

УДК 811.161.1 : 82-14

***ПЕТРОВ Андрей Васильевич**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 130 научных публикаций, в т. ч. трех монографий (двух в соавторстве), одного учебного пособия*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА РУССКОГО СЕВЕРА В ПОЭЗИИ ОЛЬГИ ФОКИНОЙ

В статье рассматриваются способы концептуализации образа Русского Севера в поэзии О.А. Фокиной, среди которых следует выделить собственно номинативные, изобразительно-выразительные и «трансляционные». К названным средствам относятся: лексемы, номинирующие Север и его реалии; топонимы; диалектизмы; фольклоризмы; окказионализмы, стилизованные под живую северную речь.

Ключевые слова: концептуализация образа, словообразовательные гнезда, диалектизмы, топонимы, фольклоризмы, окказионализмы.

Самобытная поэтесса Ольга Александровна Фокина широко известна как представитель народного – «некрасовского» – направления современной русской литературы. Основопологающими для ее творчества были и остаются темы родины, природы, сельской жизни, проблемы сохранения духовного богатства русского народа и возрождения умирающей русской деревни. Ее поэзия зиждется на подлинно народном мировосприятии, она буквально пронизана фольклорными мотивами, предельно насыщена элементами живой – «родниковой» – народной речи.

Ведущим, концептуальным образом поэзии Ольги Фокиной, бесспорно, является яркий, колоритный, неповторимый по своей красоте и глубине образ Русского Севера – родного и любимого для поэтессы, коренной северянки, края: она родилась 2 сентября 1937 года в Верхнетоемском районе Архангельской области, ныне живет и работает в Вологде. В своем творчестве Ольга Фокина отражает специфику северной природы и культуры, передает особенности менталитета северян, поднимает проблемы сохранения народных традиций Севера. На наш взгляд, поэтесса является самым

талантливым интерпретатором и транслятором живой северной речи в поэзии.

Рассмотрим лингвистические средства создания образа Русского Севера, способы его концептуализации в поэзии О.А. Фокиной, среди которых следует выделить собственно номинативные, изобразительно-выразительные и (назовем их так условно) «трансляционные». К названным языковым средствам относятся: 1) лексемы, номинирующие Север и его реалии; 2) топонимы и микротопонимы, отражающие географические названия северного края; 3) диалектизмы, передающие особенности региональной народной речи; 4) фольклоризмы, характеризующие специфику северного устного народного творчества; 5) авторские окказионализмы, стилизованные под живую северную речь.

На концептуальном уровне образ Севера в поэзии О. Фокиной представлен прежде всего словообразовательными гнездами, вершины которых составляют слова *север* и *родина*. Данные понятия для поэтессы неразрывно связаны друг с другом, фактически синонимами в поэтическом контексте О. Фокиной выступают прилагательные: *северный, родной, родимый*. Ср. однородный ряд: *Коль не дует ветер с северной, / Родимой стороны* («Ты давно пытался выпытать...»); атрибутивное сочетание: *Он упадет на поле боя / К родному северу лицом* («К 50-летию родного района»).

Лексемы *север, северный* имеют как бы более официальный статус по сравнению со словами: *родина, родной, родимый*, они служат для номинации и презентации края: *А мне снятся забытые, снятся, / Север, тихие избы твои* («Шорох волн, бытовые услуги...»). Слово *родина* приобретает в поэтическом контексте не абстрактное, а конкретное содержание – это родной северный край: *Лодочник мой, лодочник, / Милый, перевези! / Ты же – кавалер ордена. / Пасовать тебе – срам! / За рекой – моя родина, / Родина моя там!* («На родину»). Поэтесса убеждена в том, что *Большая родина без малой / Не то что слишком велика, / А как бы дом родной – без мамы, / Без дела – мамина*

рука... («Большая родина без малой...»); ср. апозитивное сочетание в раннем стихотворении: *Спи, чудо-родина моя, / открытый мною самородок!* («Четыре дня до сентября...»). И даже сочетание *родная Русь* в фокинском контексте предельно конкретизируется – это не большая страна, а лишь малая ее частичка: *Уже бегу к тебе полями / Родной Руси, моей Руси...* («Река, журча, бежит проворно...»).

Слова с корнем *север-* поэтесса часто использует при оформлении важного для нее противопоставления «север – юг», которое проявляется как антитеза «полюсов» душевного притяжения: *Есть у меня два полюса, / Есть у меня два поезда. / Оба – мои любимые, / Оба – необходимые. / Если поеду к северу, / южный кипит и сердится, / Засобираюсь к югу я – / Север застонет вьюгою* («Есть у меня два полюса...») или как противостояние двух разных способов жизнеустройства, обусловленных природной спецификой: *Ты сам преимуществам юга / Мой северный край предпочел...* («К фотографии»); *Мы, дети северных окраин, / Попад впервые в крымский рай, / От роз и солнца угорали, / Под соловьиный спали грай* («Коктебельское»).

Прилагательное *северный* составляет атрибутивные сочетания с существительными: *край, народ, места, широты, окраины, сугробы, грузы*, что подчеркивает официальность или нейтральность наименования: *Простые краски северных широт: / Румяный клевер, лен голубоватый...* («Простые звуки родины моей...»), в то время как синтагматика прилагательных *родной* и *родимый* более разнообразна: они сочетаются с существительными, называющими конкретные предметы, объекты, явления, но обязательно дорогие и близкие для лирической героини О. Фокиной. Ср. сочетаемость: *родной (-ая, -ое, -ые)* – *очаг, деревня, Русь, земля, песня, Содонга-река, родники, крыльцо, дом, колосочки, огнище, поля, ворона, дупло; родимый (-ая, -ое, -ые)* – *ветер, мама, селение, перелесок, дом, сторона, сторонушка, потолок, крыльцо, гнездо, небо, край*. Заметим, что с тем и другим прилагательным в фокин-

ском контексте употребляется слово *крыльцо*, которое номинирует пограничную зону между домом и внешним локусом: ...*Прислушиваясь к шумным вешним водам, / Стою в раздумье на родном крыльце* («Черемуха»); *По-деревенски с хрипотцой / Оно [радио. – А.П.] опять толкует / Не про родимое крыльцо – / Про «трассу голубую»!* («Возвращение»).

Частотны в контексте поэзии Ольги Фокиной субстантиваты *родная* и *родимая*, используемые для именования матери; можно даже сказать, что слову *родимая* по отношению к родной матери поэтессы отдает предпочтение по сравнению с лексемами: *мать, мама, мамочка*. Ср.: *Наговоренной водицы / Мне родная наливала* («Чтоб тоски-разлуки камень...»); *Вспомню: родимая во пору эту / Печь растопляет* («Шум поездов, доходящий до окон...»).

Концепт «родина» представлен в поэзии О. Фокиной также дериватами *родовой, родительский*, словообразовательными гнездами с вершинами *отец* и *мать*, традиционно соотносимыми с понятием «родной». Нам встретились следующие атрибутивные сочетания: *родительский дом, родовое гнездовье, материнская земля, отчий край, отчий дом, отчая могила*, а также *край дедов, мамы и отца* и *ветер бабушкиной родины*; аппозитивы: *мать-природа, мама-природа, природа-Мать*. Ср.: *У него [отца. – А.П.] для природы милой / лишь одно было имя – Мать* («Мой отец... он давно не с нами...»); *Мой отчий край – святая Русь* («Ну что ж, ну что ж...»); *Сильнее не ведаю власти, / Чем власть материнской земли!* («Мне рано, ребята, в Европы...»).

Необходимо отметить и активное употребление притяжательных местоимений *мой, наш* в атрибутивной функции для обозначения родных мест поэтессы, которые становятся неотъемлемой частью ее духовного мира (бор, поле, дом, родина, дали, пожни): *Только зря не губите / Во бору моем сосен* («Говорят, мое поле...»); *Наши дали сенокосные / За болотами, за сонами...* («Наши дали сенокосные...»).

Концепт «север» объективируется в фокинской поэзии номинациями специфических

северных реалий: *северный ветер, северное сияние, белые ночи*. Конечно, северный ветер дует не только на Севере, однако именно в этом краю он является основным показателем климатических условий: *Северным ветром окно открывается / В каменный лестничный гулкий пролет* («Снова зима свою силушку пробует...»); не случайно именно для этого понятия в северных говорах существует ряд самобытных наименований: *сивер, сиверко, ветер-сивер*, которые не могли быть не представлены в поэтическом контексте О. Фокиной. Ветер поэтессой непременно одушевляется, наделяется определенным характером: ...*Я – с севера, соседи. / Там в силе сивер-ветер* («Майское»); *Дождь тебя выхлещет, / сиверко вызнобит, / каждую щель в плаще / Выищет, визнает* («Если вдруг светлая...»).

Такая реалья, как *северное сияние*, редко находит применение в поэтическом контексте О. Фокиной для концептуализации образа Севера. Вот один из примеров: *Под луной или под инеем, / Иль под северным сиянием / Я ночами часто длинные / Проходила расстояния* («Я люблю вас, ночи черные»).

Номинацию *белые ночи*, обозначающую характерное именно для Севера природное явление, Ольга Фокина использует для образной характеристики родного края: *И пойду за ворота / Слушать белую ночь <...> Не без брака, однако, / Эта белая сонь...* («От крутых поворотов...»), или для противопоставления севера и юга: *Я отвыкла от белых ночей, / По небелым широтам кочуя* («Я отвыкла от белых ночей...»).

В поэтическом творчестве Ольги Фокиной находит место разнообразное множество северных топонимов, которые играют важную роль в формировании дорогого для поэтессы образа Русского Севера и относятся к номинативным способам его концептуализации. Здесь встречаются сугубо официальные номинации административных единиц: *Я на миру живу не горбясь, / Я для тебя храню поклон, / Моя Архангельская область, / Мой Верхне-Тоемский район* («К 50-летию родного района»); назва-

ния городов: *Архангельск, Вологда, Котлас, Северодвинск, Мурманск, Вытегра* и производные от них: *Ведь нет на свете города / Теплей, чем город Вологда* («Вологде»); *И опорки стучали весело / По архангельским мостовым* («Для меня раздвигается занавес...»); наименования крупных водных объектов: *Не резон – без пользы литься / В Ледовитый океан: / Взять ее! И свесть к сестрице, / Захлестнувши на аркан* («Я – с Двины» – речь идет о проекте переброса вод северных рек на юг).

Но все-таки главные, самые важные и наиболее частотные, гидронимы, используемые в поэзии Ольги Фокиной, – это названия родных рек поэтессы: Северной Двины, ее притока Тоймы и маленькой речки Содонги, на которой стоит родная деревня. Причем официальное название *Северная Двина* встречается лишь однажды в названии стихотворения, посвященного этой реке, в остальных случаях используется лексема *Двина* и ее производные, а также аппозитивное сочетание *матушка-Двина*, ср.: *Оказалось – не по мне / Прелести двинские: / Поперек тебя, Двина, / Не ступи! А ступишь – / В винтовую, безо дна, / Яму приголубишь* («Не ищи беды-вины...»); *Родимый ветер из Задвинья / Меня не сможет обойти* («Ах, этот ветер из Задвинья...»); *Плещет матушка-Двина / Возле ног бегущих* («Объяснительная записка Пушкинскому празднику поэзии»). А названия *Тойма, Тоймушка* органично включены в образный ряд любовной лирики: *К тихой Тоймушке бережком, / Где когда-то мы плавали, / Ты не ходишь уже пешком, – / Сколько дел, до забавы ли?* («Да, теперь – зови не зови...»); *Зеленой поймой / струится Тойма, / За той за Тоймой – / Ой, золотой мой...* («Зеленой поймой...») – обращает на себя внимание необычная рифма в последнем примере, в котором обыгрывается омофоничность гидронима.

Название маленькой лесной речушки Содонги хорошо известно всем любителям современной поэзии народного направления, поскольку эта речка воспета в наполненных искренней любовью и дочерней преданностью

поэтических строчках Ольги Фокиной. Один из сборников стихов поэтессы носит название «Речка Содонга», так же озаглавлено одно из стихотворений, другое произведение названо «Почему зовется Содонгой река?». Частотность данной лексемы и ее производных в стихах и поэмах О. Фокиной составляет десятки употреблений, слово *Содонга* неизменно сопровождается яркими эпитетами, названная им речушка часто «одушевляется»: *Речка Содонга – ой, бойка! - / Так и рвет островку бока...* («Островок»); *...Сегодня, вброд переходя / Низовье Содонги журчащей, / Я преклонилась не иутя / пред чистотою настоящей* («Не снились мне монастыри...»); аппозитивное сочетание: *Когда на сердце одиноко, / Когда бессилье и тоска, / Я ухожу к твоим истокам, / Родная Содонга-река* («Когда на сердце одиноко...»). Как видим, Содонга становится для поэтессы идеалом чистоты, источником душевного исцеления.

Пестрая палитра названий больших и малых сел и деревень Русского Севера представлена на страницах поэтических сборников О. Фокиной: *Корнилово, Тарнога, Омеляново, Рослятино, Ракула, Сороть, Заозерье, Пельпахта*; здесь также встречаются разнообразные гидронимы, кроме указанных выше: *Пинега, Онега, Паленьга, Вологда-речка, Черное озеро, Сиверское озеро*; названия знаковых мест заповедного Севера: *Кижж, Веркола, Кирилловский монастырь, Соломбала*.

Сами топонимы зачастую становятся средством формирования выразительных поэтических созвучий: *Расскажи / Про Кижж!* / *Говорят, это сказочный остров!* («Расскажи про Кижж...»); *Отзнобило, отморозило, / И растаяло, и спит... / Только Сиверское озеро / Ветер-сивер шевелит* («В Кирилловском монастыре»); с помощью топонимов создается глубокий и емкий образ, как, например, в стихотворении, посвященном памяти Федора Абрамова: *Занавешивай, Веркола, / Светлой Пинеги зеркало / Плотным платом тумановым, / За ночь сотканным заново* («Занавешивай, Веркола...»); топоним может использоваться для языковой

игры: *Вытегра... Вытегра... / Что-то вроде тигра! / Выдь играть! Выдь играть!* – / *А в какие игры?* («Песенка об одной командировке»); или распространяться выразительным приложением: *Здравствуй, речка Паленьга, / Золотое донышко!* («Здравствуй, речка Паленьга...»).

Конкретизируют поэтический образ Севера, делают его более притягательным и реалистичным многочисленные микротопонимы, обозначающие сенокосные угодья, болота, лесные поляны, ручьи, части деревни и пр.: *Прилук, Горка, Ёрга, Подол, Гора, Кулига, Пески, Дьяконов ручей* (он же *Дьякон*), а также *Красная Слуда, Малая Слуда, Белая Слуда, Грязная Слуда* и *угор Рябишный* (в сопоставлении с яшинским *Бобришным угором*). Ср.: *За реку да за речку, / За поля да за луг, / За ручей, что колечком / Обегает Прилук* («Июль 1985 г.»); *Опять встают передо мной / То отрешенность Красной Слуды, / То Белой Слуды белый зной* («Когда на сердце одиноко...»); *У него угор Бобришный, / У меня угор Рябишный – / Поросли одной травой* («Памяти Александра Яшина»).

Наиболее значимым из всех средств создания образа Русского Севера в поэзии Ольги Фокиной следует признать использование диалектизмов, отражающих особенности северной народной речи. Все типы диалектизмов широко представлены в поэтическом контексте произведений О. Фокиной. Необходимо отметить, что черты северных говоров здесь не представляются чужеродными вкраплениями, они являются органичной составляющей речи поэтессы, для которой северный говор был и остается родным, материнским языком, она буквально «транслирует» его в поэтический дискурс, становясь проводником и защитником родного языка, тем самым повышая его статус. Именно поэтому мы считаем диалектизмы в поэзии О. Фокиной не просто номинативными или выразительными единицами, а прежде всего средством «трансляции» северного говора для широкого круга читателей и почитателей поэзии [2].

В поэзии О. Фокиной диалектизмы отнюдь не являются прерогативой речи героев, они активно и уместно используются в авторской речи, выполняя все традиционно выделяемые функции: 1) номинативную – локализация изображаемых событий, создание местного колорита; 2) характерологическую – прикрепление персонажа к определенной этнографической и социальной среде, индивидуализация речи героев; 3) стилистическую – создание художественной изобразительности и выразительности, а также комического эффекта; 4) метрическую – оформление стихотворной строки, организация стиха.

Наиболее показательными диалектизмами, выполняющими преимущественно номинативную функцию, являются этнографизмы, обозначающие «местные названия местных вещей». В поэзии О. Фокиной мы обнаружили номинации частей крестьянского дома: *поветь, сенник, голбец*; северных орудий труда: *засека, стожар, станины*; посуды и других емкостей: *ставок, братынь, пестерь, сельница*; различных хозяйственных приспособлений: *зыбка, очеп, прясло, веря, суслон*; продуктов питания: *шаньги, сусло*. Ср.: *Строга, сосредоточенна, / В косынке до бровей, / Несла хозяйка сельницу / Полнехоньку муки* («Аленушка»; *сельница* – «сито для просеивания муки» [4, вып. 37, с. 140]); *Нет ни очепи скрипучего, / Ни зыбки расписной...* («Колыбельная»; *зы'бка* – «детская колыбель (обычно подвешиваемая к потолку на шесте или пружине)» [4, вып. 12, с. 30]; *очеп* – «шест, на котором подвешивается люлька» [4, вып. 25, с. 57]).

Собственно-лексические диалектизмы – местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке или имеют в говоре особые значения, – активно используются в различных функциях. Рассмотрим примеры: номинативная функция: *Я пойду – закрою / Избу на бадог* («Домик над рекою»; *бадог* – «палка, жердь, шест, кол» [1, вып. 1, с. 124]) – имеется в виду северный обычай не запирают двери, а ставят к ним *бадог*, обозначая отсутствие хозяев дома; характерологическая функция: *Пересудами-*

разговорами / Загудела округа целая: / Ты за что **некошного**, черного / Полюбила **баская**, белая? («Пересудами-разговорами...»; **некошнóй** – «некрасивый; неуклюжий, нескладный» [4, вып. 21, с. 63]; **баскóй** – «красивый, нарядный» [1, вып. 1, с. 120]); стилистическая функция – обыгрывание созвучий: *Волга – волога – влага...* / Поселила едва / Снеговая бумага / Голубые слова. / Как рванулась навстречу, / Чуя кровную связь, / Наша *Вологда-речка*, / **Волгас** – пожня у нас («Волга – волога – влага...»; *во́лгас* – «заливной луг» [1, вып. 5, с. 35]).

Лексико-семантические диалектизмы выступают своеобразными омонимами литературной лексики. Так, в поэзии О. Фокиной нам встретились, например, существительное *грядка* – «брус, идущий вдоль стены или от стены к печи крестьянского дома, служащий опорой для полатей и иногда используемый как полка» [1, вып. 10, с. 111]: *И ставится чашка на «грядку»* – / *На длинный – от печи – брус*, / *Который от времени бус* («Печное»); прилагательное *долгий* – «длинный» [4, вып. 8, с. 105]: *Промети-ко дымоход / Долгою метелкой: / Не кирпич ли дым гнетет, / В дымоход затолкан?* («Малина твоя»); глагол *застать* – «загнать домашний скот во двор, хлев» [4, вып. 11, с. 55]: *Ах, братишку надо унять! / Ах, теленка надо застать!* («Что это стучит поутру...»).

В поэзии О. Фокиной можно обнаружить большое количество примеров употребления словообразовательных и морфологических диалектизмов, относящихся к разным частям речи, приведем лишь некоторые из них: суффиксальные образования существительных: *гребея, надия, голик, важенка, колотовье*; прилагательных: *поветный, летошний, могутный, седанный*; приставочные образования глаголов: *спроворить, опихать, спробовать, урваться, пождать*; морфолого-синтаксические образования наречий: *ладом, веком, припадкой, пластью, голью* (застывшие формы творительного падежа существительного). Диалектные морфологические черты могут быть связаны с особенностью склонения существительных: *мати, дочи, дедко, ребен-*

тят, ко время, в городу; с видовыми формами глаголов: *погинуть, нашепочет, гаснули, прятаю, настигу, колонуть*; с усеченными формами прилагательных: *бел (туман), берестяна (каретка), калены (кирпичи)*; с особыми вводно-модальными словами: *бывай, ужсо, коли* и другими признаками.

Приведем примеры употребления в номинативной функции: *Батько, с твоим здоровьем / Тряско – по колотовью...* («Печное»); в характерологической функции: *Крестинушка, старушенька, / Шепнет: – Ужсо, пожди!* («Праздники»); *Покосилась в зеркало: / – А бывай, и хватит?* («Сыпь, снежок...»); в стилистической функции: *Будет печь ядрёна, / Будет глина чёрна...* («Печное»); в метрической функции: *На печь **пластью** – / вплотную к счастью!* («Печное»).

Отметим некоторые синтаксические диалектные особенности в поэзии О. Фокиной: двойное сказуемое: *Пойду спихну поленицу / Да вновь перекладу* («Я не ленюсь на улице...»); особое составное сказуемое: *Не бывала я веком / Клянчить, – с кем удумала?* («Не выходила»); особенности предложного управления: *Порадуюсь за парочку, / тихонько обойду / По заречью, по-за ручью, / По тающему льду* («Спугнула утку с селезнем...»); союзного подчинения: *Не допечена, может, шанежка? / Дак ты другую-то ломай!* («Дорога не запоминается...»); постпозитивные частицы: *Жарот не велик уже – / Закрывать велит!* («Как не слушаться»).

Встречаются также и фонетические диалектизмы: вокалическая разрядка сложных групп согласных: *копотит, топочут, во родительском во дому*; стяженные формы, связанные с утратой интервокального [j]: *само, заране, мила, отведашь*; упрощение групп согласных: *гли-ко, сглону*; протетический гласный: *аржаной*. Приведем примеры: *Да ломоть **аржаного** сжуй, / да хозяйку поцелуй* («Оратаюшко-оратай»); *Ты вступи, мой лес, / Во свои права!* («У меня беда...»); *Само время добрет теперя, / Ничего, что – за шестьдесят!* («Кость да жила – оно сила...»).

К трансляционным способам концептуализации образа Русского Севера, наряду с диалектизмами, необходимо отнести и фольклоризмы. Связь поэзии О. Фокиной с устным народным творчеством очевидна, это отмечают все исследователи: метрика и образный ряд народной песни, былины, частушки «транслируются» в стихотворениях поэтессы. Фольклорная традиция требует использования специфической лексики – фольклоризмов, в частности, к ним относятся уменьшительно-ласкательные суффиксальные образования существительных: *Был у меня соколонько / Весел да ясноглаз...* («Был у меня соколонько...»); *И собрался народ – / Что народушко! – / Посмотреть ледоход – / Ледоходушко...* («Все мечты о тебе...»); традиционная фольклорная лексика: *Над лесом алеет заря-заряница* («Декабрь уже прожит...»); *Угодила ягодиночке – / Живу довольная* («Льдиночка-снежиночка»); *Дроби-дроби выдроблю, / На кругу смела я! / Дролю, дролю выберу – / Какого желаю!* («Сыпь, снежок»); песенные запевы: *Ой, реченька-реченька, / Чего ж ты не полная? / Ой, люшеньки, ой, люли, / Чего ж ты не полная?* («Останься со мною»); сказочный зачин: *Жито-быто – позабыто: / Не жила до сих пор* («День за днем, за делом дело...»).

Изобразительно-выразительные средства создания образа Севера, кроме всего прочего,

представлены в творчестве О. Фокиной авторскими окказионализмами, стилизованными под народную северную речь. Мы обнаружили окказиональные образования О. Фокиной, относящиеся к самым разным частям речи: существительные: *еленёнок, крутоярик, бессонноночие*; прилагательные: *настиковый, безночный, оркестро-ёмкий*; глаголы: *великолепиться, поскруживать, затальянить*; причастия: *оюженный, обканавленный, наобходившийся*; наречия: *высокодымно, неладанно, босоножно*; безлично-предикативное слово *невко*. Приведем примеры употребления некоторых окказионализмов, толкование их семантики дается нами на основе контекстуального анализа: *Среди чернолесицы / Стояла черемуха* («Взяла тоска за ворот...») – *чернолесица* – «чёрный весенний лес, пока без листьев»; *Потом решетом / Поскруживаю, / И все, что не то, / Наружу всплывет* («С худой полосы») – *поскруживать* – «просеивать решетом, делая круговые движения»; *Но петь – не невко, / И жить – неловко* («Зеленой поймой...») – *не невко* – «не хочется петь». Подробнее см. в нашей статье [3].

Итак, творчество самобытной поэтессы Ольги Фокиной отличают тесная связь с живой северной речью, которая буквально «транслируется» в поэзию, обилие ярких лингвистических средств, богатая лексика, имеющая огромный образный потенциал.

Список литературы

1. Архангельский областной словарь. Вып. 1–13. М., 1980–2010.
2. Петров А.В. Лексические диалектизмы в поэзии Ольги Фокиной // Северное слово. К юбилею Лидии Павловны Комягиной: сб. Архангельск, 2012. С. 156–185.
3. Петров А.В. Окказионализмы в поэзии Ольги Фокиной // Вестн. Сев. (Арктического) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2012. № 4. С. 109–115.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–42. М.; Л. (СПб.), 1965–2008.
5. Фокина О.А. Избранное: стихотворения и поэмы. М., 1985. 512 с.
6. Фокина О.А. Разнобережье: стихи. Архангельск, 1998. 288 с.

References

1. Arkhangel'skiy oblastnoy slovar' [The Dictionary of the Arkhangelsk Region]. Iss. 1–13. Moscow, 1980–2010.
2. Petrov A.V. Leksicheskie dialektizmy v poezii Ol'gi Fokinoy [Lexical Dialecticisms in the Poetry of Olga Fokina]. *Severnoe slovo. K yubileyu Lidii Pavlovny Komyaginoy: sbornik* [The Northern Word. To the Anniversary of Lydia Pavlovna Komyagina: Collection]. Arkhangelsk, 2012, pp.156–185.
3. Petrov A.V. Okkazionalizmy v poezii Ol'gi Fokinoy [Occasionalisms in the Poetry of Olga Fokina]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"*, Arkhangelsk, 2012, no. 4, pp. 109–115.
4. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 1–42. Moscow, Leningrad (St. Petersburg), 1965–2008.
5. Fokina O.A. *Izbrannoe: stikhotvoreniya i poemy* [Selected Works: Poetry]. Moscow, 1985. 512 p.
6. Fokina O.A. *Raznoberezh'e: stikhi* [Raznoberezhye: Poems]. Arkhangelsk, 1998. 288 p.

Petrov Andrey Vasilyevich

Institute of Philology and Cross-Cultural Communication,
Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

CONCEPTUALIZATION OF THE IMAGE OF THE RUSSIAN NORTH IN THE POETRY OF OLGA FOKINA

The article considers the ways of conceptualizing the image of the Russian North in the poetry of O.A. Fokina, which include nominative, expressive and “translational” means. Among them are: lexemes naming the North and its realia; toponyms; dialecticisms; folklore-specific words; occasionalisms stylized as living Northern speech.

Keywords: *conceptualization of an image, families of words, dialecticisms, toponyms, folklore-specific words, occasionalisms.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7;
e-mail: avpetrov@atknet.ru

Рецензент – *Ненашева Л.В.*, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова